

О Н И
РАБОТАЮТ
В ИРКУТСКЕ

Очерки

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Г. Кунгуров

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БАЙКАЛА

Мы давно знали друг друга, но никогда нам не приходилось встречаться вот так, как в этот тихий летний день. Я задумал написать очерк о Байкале; в тайниках моего сердца зрело сокровенное — собрать материал и для решающей главы моего нового романа. Встреча с профессором Кожовым, прославленным байкаловедом, поездка с ним по «священному морю», — что может быть более интересным и обещающим!

Я направился в Байкальский музей Иркутского биолого-географического института. Много десятилетий во главе его стоит профессор Кожов. Я много слышал, особенно от рыбаков, о профессоре, для которого Байкал — родной дом. Мне запомнился разговор с одним столетним долгожителем Прибайкалья, потомственным башлыком и добытчиком рыбы. Старик уверял, что помнит Кожова еще молодым, и тогда он словно бы приворожен был к Байкалу — дневал и ночевал у моря. Старик обратился ко мне:

— А ты-то его видывал? Михаила-то Михайловича? Я не успел ответить.

— Многое в науках доспел Михаил Михайлович... Большой учености человек, однако, по обличью, по сердцу наш, байкальский, глазом — огневик, взглянет — опалит. Хоть ему и давно за шестьдесят, а крепок, складен, иных молодых за пояс заткнет. А уж море знает,

море любит! Таких людей нигде не сыщешь, они только на Байкале...

...Меня профессор встретил в дверях своего кабинета и так взглянул, что мне почудилось: «Вот опять с блоком и самопишущей ручкой».

— Корреспондент? — и сам ответил: — Нет, писатель... Знаю, слышал, читал...

Протянул руку и, хитро щурясь, заговорил:

— Понимаю... Значит, героя или героиню надо оснастить байкальским орнаментом — култук, сарма, голомянка, епишура, нерпа, циклоп, бычок...

Довольный расхохотался.

— Чем интересуетесь?

— Вестимо, озером, — хотел я попасть в его веселый тон. Он свел брови, замахал руками.

— Что я слышу? Только здесь, в кабинете, это можно вынести, а на Байкале... И Малая и Большая колокольни упадут, лучшие друзья станут лютыми врагами!..

Видя мое недоумение, рассердился:

— Байкал — море и только море... Ни один истый сибиряк, прибайкалец, никогда вам руки не подаст, если вы назвете Байкал озером...

— Но ваш увесистый том, дорогой Михаил Михайлович, называется «Животный мир озера Байкал»...

— Для науки — так точно, а по-житейскому, в народе, запомните, только море!.. Виноват, отвлеклись, чем могу помочь?

— Хотелось бы с вами в плавание. Слышал, что скоро вы отправляетесь в экспедицию...

— Так сразу и в плавание?

Михаил Михайлович Кожов

— Вам виднее...

— Нет, начнем с музея.

Передо мною открылся неповторимо захватывающий мир. Это — уголок тайн Байкала. Здесь на каждом шагу неожиданности, новое, непознанное, здесь сосредоточены все редкости животного и растительного мира Байкала.

— Взгляните в микроскоп. Какой пестрый рисунок, тончайшие кружева! А ведь это живые существа... Очень важные существа...

От микроскопа не хочется отрывать глаз.

Через крохотного моллюска и рачка, через нити бледных причудливых водорослей и микроскопическую слизь профессор, как по чудесной книге, заглядывает в тысячелетия прошлого Байкала, раскрывает его извечную тайну тайн. Куда ни взглянешь — всюду загадка. Подумать только, в водах Байкала более 1500 видов растений и животных, из них три четверти нигде в мире не встречаются. Тюлень-нерпа и такая рыба как омуль — морские переселенцы, обитание их в закрытом водоеме Байкала — загадка природы. Не меньшая загадка — живородящая рыбка голомянка. Тело ее совершенно голое, стекляннo-матового цвета с нежно-розовым оттенком. Просвечивает голомянка настолько, что видны внутренности и нити кровеносных сосудов. Длина рыбки от 20 до 25 сантимегров. Мясо и жир (эта глубинная обитательница почти из жира и состоит) содержат много целебных витаминов.

Многолетние изыскания профессора, труды его о моллюсках Байкала, о микромире уникального моря обрушили на ученого гнев неумных его недоброжелателей. «Глупо и расточительно тратить десятилетия на изучение рачков, водорослей, червячков и прочей бесплодной мелюзги, надо заниматься богатством Байкала — рыбой», — твердили эти люди.

Упорство профессора, его вера в правоту избранного пути привели к замечательному открытию, к новой убедительной гипотезе о происхождении Байкала.

Известно, что гипотез множество. Среди них научная гипотеза профессора Кожова — оригинальная страница в байкаловедении, заинтересовавшая ученых мира.

Повелось так, что проблему происхождения Байкала

пытались решить путем изучения лишь самого озера, его животного и растительного мира. Профессор Кожов избрал совершенно иной путь: он стал искать байкальских обитателей вне Байкала, в других озерах и котловинах Восточной Сибири. Открылось неожиданное: ряд байкальских обитателей обнаружили в нескольких местах, далеко от современного Байкала. Так родилась идея многоозерья. Путем длительных поисков, сопоставлений профессор Кожов пришел к выводу, что сегодняшней Байкал — слияние трех древних Байкалов в один.

Произошло это после ряда геологических потрясений. Современный Байкал с его поразительной глубиной в 1740 метров — это лишь остаток некогда огромной водной стихии, территории озер, доходивших до самого океана. Многие прояснилось; стало понятно, например, как могли попасть океанские гости — нерпа, омуль, многие моллюски и пр. Свою научную гипотезу Михаил Михайлович обосновал в крупном труде, нашедшем признание ученых, «Пресные воды Восточной Сибири», в статье, опубликованной Академией наук СССР, «К истории озерных систем Забайкалья и Прибайкалья и их фауны». За плодотворные открытия и общественную работу профессор Кожов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Упрямое изучение «бесплодной иллюзии», «лапок, усиков, бугорков различных моллюсков» помогли профессору открыть и еще одну важнейшую закономерность: она имеет огромное народнохозяйственное значение, это проблема заселения Байкала растительным и животным миром, проблема рыбных богатств и их пополнения.

Мне кажется, оценить это открытие, разобраться в нем будет легче, если побываешь с профессором на Байкале, в поселке Большие Коты.

...Из Иркутска мы выехали на машине. Моросил мелкий дождик. Ангара была пепельно-синяя. Громоздились тяжелые тучи. Мы ехали по дну будущего Иркутского моря. Привычные и родные места, но недалеко время, когда все эти села и деревни будут перенесены, леса вырублены, и все вокруг зальют голубые воды. Мне даже взгрустнулось. Михаил Михайлович заметил это и увлеченно заговорил:

— Мы на рубеже фантастических превращений. Эти

окрестности примут новый географический облик. Воды Байкала будут омывать вон те далекие горы. Вокруг образуются красивые фиорды — любимые места для прогулок, здесь будут дома отдыха, климатические курорты. На правой стороне — мелководье: сеть озер, заливов, заливишек с протоками. Мы заселим их лучшими породами теплолюбивых рыб.

— Почему же теплолюбивых?

— Зеркало воды огромное, хватит места и теплолюбивым и теплолюбивым рыбам. Прибрежная полоса будет быстро прогреваться. Ведь по солнечным дням наше Прибайкалье — Крым, Украина, Италия!.. В прибрежных плесах — рай для теплолюбивых, а в глубинных зонах станет царствовать харнус, ленок — любители холода...

Мы помолчали: нельзя быстро осмыслить и охватить сказанное, в нем столько заманчивого и неожиданного; Михаил Михайлович увлеченно продолжал:

— Меня удивляет Горький... В Сибири не был, а в ее далекое заглянул. Нам, сибирякам, его слова надо помнить, как стихи: «Поражая воображение своей грандиозностью, разворачиваются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары...»

Я эти слова Горького знал, но процитировать не смог бы, и, хотя профессор не заметил моего смущения, мне было и горестно, и завидно.

Скоро Байкал. Чем ближе к «горлу» — истоку Ангары, тем холоднее, набегал порывистый ветер. Небо быстро светлело. Профессор, подставляя загорелое лицо ветру, который бил в открытое окно машины, уверял:

— Здесь всегда дует, как в трубу, обведем мысок и повеет теплом.

Подъехали к Лиственничному, вышли из машины. Профессор доволен:

— Вот видите, тепло и солнце сияет. Байкал сегодня хорош, смотрите каков, а?

До поселка Большие Коты ехали на катере «Гидробиолог». Еще час тому назад Байкал бушевал и вдруг мгновенно притих, словно прошлись по нему гигантским утюгом, пригладили, отшлифовали — смотришь, солнце, в голубое стекло, играй блесками, светись перламутром.

...Мотор выключили, и катер с нарочитой осторожно-

стью столкнулся с пристанью. Огромная бухта, песчаный берег, с трех сторон лесистые сопки, за ними опять сопки, только фиолетового оттенка, даль — не окинешь взглядом. Встанешь на холм, взглянешь в это далекое, и кажется весь мир — горы, горы, и горы... Повернешься лицом к Байкалу и скажешь: — Нет, мир — безбрежная морская синь. У берега Байкал мягко-зеленоватый, дальше — аквамариновый, а там, где призрачная полоска отделяет его от неба — хмурый, густо-синий.

На плоском берегу, между морем и горами разбросаны дома — поселок Большие Коты. На пригорке — метеослужба, пониже, у подножья горы — главное здание, рядом такой же дом — химическая лаборатория, ближе к берегу — электростанция, столовая, дом-аквариум, квартиры ученых и служащих, подсобные помещения. Это научный городок в бухте Байкала. Стоит он в глухом уголке таежного Прибайкалья, а к нему тянутся отовсюду живые нити — экскурсанты, туристы, ученые, путешественники со всего Советского Союза, из-за границы. Байкальская биологическая станция — опорная база по изучению уникального моря и организации студенческой практики различных специальностей.

Я узнал, что сроки практики уже прошли, но у профессора кипа заявлений студентов, они просят разрешения остаться и продолжать свои опыты и наблюдения. Вообще профессор всюду безотлагательно необходим, его всюду атакуют практиканты.

Вот он остановился: на берегу Байкала перед рейкой, поставленной в воду, сидит студентка, она старательно вписывает свои наблюдения — трудится над научной характеристикой байкальской волны (высота, длина, период). Профессор взял блокнот практикантки, долго всматривался в колонки цифр, вернул:

— Пока пестро и неясно, надо больше наблюдений, сопоставлений... В общем, дорогая, вооружитесь главным — терпением...

Навстречу бежит студент, в руках у него сачок, он исходил все прибрежные горы и долины; коллекции бабочек, пестрых жучков, стрекоз, коровок сегодня у него пополнились. Но разве в этом счастье ученого-первооткрывателя? Ему удалось поймать бабочку-уникум, и величина, и окраска поразительны. Возбужденный, обрадованный, он показывает находку профессору. Ясное небо

мрачнеет, вместо солнечных бликов повсюду серые тени — профессор оглядывает практиканта холодным, насмешливым взглядом, и он удручен и недоволен, студенту строго говорит:

— Известный экземпляр, давно известный! Запишите, — и диктует обескураженному «первооткрывателю» латинское название злополучной бабочки-уникума.

Через несколько минут профессор у микроскопа. Практиканты вернулись с моря, надо взглянуть на свежие пробы. Этот отряд практикантов трудится над исследованием планктона. Профессор еще раз терпеливо разъясняет, что планктон важнейшее, может быть, решающее звено в общем круговороте жизненных веществ Байкала. Говорит увлекательно, и я вместе с практикантами боюсь пропустить хотя бы одно его слово.

— Поймите, здесь огромные связи, непрерывная цепь зависимости, взаимовлияний. Необозримое поле для увлекательных наблюдений: химизм воды — температура — толщи вод — микроскопические рачки — рыбы и т. д...

Взглянул на меня.

— Вы что-то записываете?

— Увлечен, интересно...

— Да что вы?.. Вот поплывем — там другое дело; вы воочию убедитесь, как целесообразно, умно в природе организован общий круговорот живых веществ, перед вами раскроется философия жизненных веществ Байкала... Да, да, философия!..

Профессор подошел к столу, взял лист бумаги и передал его мне.

— Все готово. Мы отплываем завтра, в полдень. Познакомьтесь с планом нашей экспедиции и ее составом.

— А какова цель экспедиции?

— Изучение режима вод Селенгинского мелководья... Исследуем вертикальное и горизонтальное распределение температур, насыщенность минеральным составом, изучим биологические факторы — живые организмы различных толщ вод, проследим прозрачность, цвет воды, связи между ветровыми и температурными явлениями. Конечная цель: выверить и уточнить данные наибольшей концентрации жизни Селенгинского

мелководья и его границ, установить степень влияния мелководья на открытые воды Байкала.

— Какой маршрут?

— Взгляните на карту. Намечено десять точек. Видите, они соединены тонкими линиями. Затеяливый рисунок, не правда ли? Могу обрадовать — маршрут многообещающий...

В полдень наш катер двинулся в путь.

Байкал сиял и небо сияло; куда ни взглянешь — солнечные блики, россыпи серебра, переливы, игра стеклянно-прозрачной воды. Едва катер отошел от пристани, к Михаилу Михайловичу подошел озабоченный капитан катера.

— Барометр резко пал; было 718, а сейчас уже 710. Кажется, надвигается сарма.

Всматриваемся в призрачные дали моря. Северная сторона Байкала черная, хмурая, из-за горизонта двигаются густые тучи. Восточная кромка неба чистая, прозрачной голубизны. Нарастают волны, катер качает. Михаил Михайлович оглядывает небо, потом берет бинокль, долго рассматривает горизонт, говорит:

— Сармы не будет. Взгляните вон на тот угол неба. Видите? Ветер изменил направление. Дайте побольше оборотов, надо торопиться, уже потеряли не менее часа...

Катер по-прежнему слегка качает, плывем уже около двух часов. Водная гладь серовато-стального цвета с ослепительными отблесками, они, как огненные вспышки, мелькают то там, то тут. Над водой по горизонту голубая дымка — байкальская марь. Первая остановка в открытых водах, первые пробы и промеры. Данные всех проб и промеров в экспедиционный журнал записывает сам профессор. Катер двигается дальше; через каждые десять минут измеряется температура поверхностного слоя воды; через каждые 40—50 минут катер останавливается, и сотрудники во главе с профессором вновь в том же порядке берут пробы: прозрачность воды, пробы шелковой сеткой на глубине 25, 50 метров, температура разных толщ воды, цвет, химизм... и так из часа в час, изо дня в день.

...Внимательно слежу за работой научных сотрудников, за их привычными и слаженными движениями, за успевающим повсюду профессором. Что дают эти про-

бы? Какова их научная и практическая цель? На каждой остановке при просмотре проб слышу: епишуры много, епишуры мало. Что за чудодейственное слово, почему больше всего оно волнует всех сотрудников? Профессор улыбается:

— Пойдемте в каюту, я открою вам тайну этого слова.

Входим, он вынимает из гнезда специального ящика склянку.

— Какая ясная закономерность: ниже температура воды — меньше епишуры, выше, наоборот — больше...

Я с жадностью смотрю на склянку, и вижу только мелкие белые хлопья; мое разочарование замечает профессор.

— Посмотрим под микроскоп.

Чудеса, оказывается, хлопья и есть епишура — микроскопические рачки белого цвета с жемчужно-серебристым отливом. Рельефно выделяется головка, удлиненное туловище; пониже рта торчат мохнатые отростки в виде пушистых лапок, ими рачок отцеживает из воды микроскопические растения, ловко свертывает их в комочек, сует в рот и пожирает.

Профессор любителю:

— Смотрите, какой красавчик! Вы знаете, рачок очень разборчивый. Мы как-то попытались его обмануть, накормить толченым в порошок стеклом. Отцедил он своими мохнатыми лапками, сбил в комочек стеклянную пыльцу, толкнул в рот и тут же выплюнул...

— А какой же прок или вред от этого рачка-малютки?

— Ого, малютка! Если в Байкале выловить все животные организмы, то четыре пятых составил бы епишура, и только одну пятую — рыбы всех пород и нерпа. Епишура размножается с неудержимой быстротой, имеет два-три потомства в год; вместе с другими такими же микроскопическими рачками он дает ежегодно около двух миллионов тонн живой массы. Для воспроизводства омуля достаточно одной десятой этой питательной массы. Это необычайно щедрая кладовая кормовых запасов Байкала; судя по запасам епишуры, мы можем иметь в Байкале омуля во много раз больше. Епишура исключительно приспособлен к среде; он одиннадцать раз меняет свой наряд — линяет. Если перебраться в

область сравнений, то эпишура — байкальская коровка, обитает на тех глубинах, где много растительного корма. Эта своеобразная коровка превращает микроскопические растения, которые воспринимаются нашим глазом как зеленый цвет воды, в капельки жира. Значит, пожирая растительные продукты в байкальских толщах воды, эпишура дает молочко — высокопитательные жиры, лучший корм для мальков омуля. Мы высчитали: для получения одного килограмма омуля необходимо, чтобы омуль съел семь килограммов эпишуры.

Профессор поставил склянку обратно в гнездо, сделал какую-то пометку в блокноте и продолжал:

— Удалось установить интересную закономерность: в годы обильного урожая эпишуры процветает и омуль; его много, он жирный, нагульный и, наоборот, мало эпишуры — мало омуля, он рыщет по Байкалу в поисках кормов, косяки его редуют, буквально тают. В лаборатории у нас есть точка диаграммы этой закономерности: обилие эпишуры — обилие жирных крупных омулей.

— Это же имеет огромное народнохозяйственное значение. А ведь есть ваши же коллеги, Михаил Михайлович, которые считают бесплодной возней изучение планктона, моллюсков, всей этой микроскопической «мути»...

Профессор хитро прищурился:

— Да, есть такие, они твердят: занимайтесь поголовьем рыбы, а рачки, моллюски — кабинетная затея... Ошибаются. Надо заниматься кормами, тогда и рыбе поголовье можно неизмеримо увеличить.

— Михаил Михайлович, зачем такое тщательное и частое измерение температуры Байкала?

— О! Роль температуры — один из существенных признаков закономерности в круговороте: микроскопические растения — эпишура — омуль. Температура рыб всегда равна температуре среды — воды. Оптимально жизненная температура для омуля летом 12—14 градусов. Такая же оптимальная температура и для эпишуры. Отсюда легко сделать практически хозяйственные выводы. Летом омуль живет в тех слоях воды, которые имеют оптимальную для него температуру, то есть в толщах вод до 10—20 метров, а ночью — в самом верхнем слое. Поэтому летом надо ловить омуля в этих зо-

нах поверхностными сетями. Весной вода в глубинах теплее, чем на поверхности, тут иногда еще плавает лед, а омуль предпочитает жить на глубинах, причем часто устремляется к берегам, никнет ко дну, поэтому сети весной ставят глубинно, а у берегов — на дно, и ловят большими закидными неводами.

— Может быть, это и наивный вопрос, но меня интересует, почему с такой интенсивностью измеряется прозрачность воды?

— Ну, дорогой мой, и самому можно было бы догадаться, — усмехнулся профессор, — прямая связь. Взгляните на данные промеров — чем прозрачнее вода, тем ниже температура, беднее жизнь, мало эпишуры, нет кормов для омуля. А уж практические выводы сделать не трудно. Верно?

На катере мы проплавали две недели. Прошли сотни километров. В тетрадях сотрудников и в экспедиционном журнале профессора — колонки цифр, странички убористых записей. Как тонкий контурный рисунок, проясняется общая картина закономерностей и связей жизненного круговорота байкальских вод: прозрачность — глубина — температура — химизм — насыщенность растительной средой — скопление микроскопических животных организмов (эпишура и др.) — концентрация омуля.

Профессор удовлетворен данными экспедиции; правда, нет ничего об интенсивном мире бактерий, но это особая проблема и в задачи данной экспедиции не входит.

У коллектива экспедиции свои традиции, свой байкальские законы. Катер причаливает к одной из живописнейших бухт — бухте «Бабушка». После прославленной омулевой ухи профессор подводит предварительные итоги данных экспедиции.

— Селенгинское мелководье с его выразительным «лицом» — обогатительная фабрика старика Байкала.

Профессор открыл экспедиционный журнал.

— Вот характеристика полосы, глубина которой полтора—два метра: температура 20 градусов, цвет воды грязновато-зеленый, цветут водоросли, прозрачность самая минимальная, насыщенность химическими и биологическими продуктами огромная. Посмотрите на данные глубинной полосы, она тянется до предмелководья. Глу-

бина — более ста метров, прозрачность 12 метров, температура на поверхности воды — девять градусов, на глубине десяти метров — шесть, насыщенность эпишурой крайне бедная, химизм воды типичен — малое содержание солей. На мелководье много рыбы — сороги и окуней, это их любимые места; но омуля здесь нет: он не выносит такой грязной и теплой воды. Его нет и в глубинных водах с низкой температурой. Омуля надо искать в полосе между открытыми глубинами и мелководьем. Эту зону мы и пометим на карте.

Профессор показал карту с густо очерченными красным карандашом омулевыми зонами.

— Какие еще напрашиваются выводы? Селенгинское мелководье не только райское место для сороги и окуней, оно обильно обогащает с помощью ветра, разницы температур большие просторы открытых вод Байкала: удобряет химическими и биологическими продуктами, повышает температуру воды до оптимальных значений и пр. А разве такая щедрая только Селенга? Все реки и речки в меру своих «сил и способностей» проделывают плодотворную обогатительную работу. Вы знаете, их впадает в Байкал 336! Так и создается изумительно целесообразная картина круговорота в природе. Неустанная работа рек, солнца, ветра по обогащению вод Байкала, и все-таки это создает лишь в одной пятой части его вод насыщенную жизнь — промысловые зоны. Вижу, как всегда, вы недовольны: одна пятая — не маловато ли? Во-первых, я говорю о промысловых зонах, а на дне, в холодных байкальских лабиринтах, на глубине около двух километров, тоже кипит жизнь — плавают, ползают, ныряют... Во-вторых, мы, советские люди, расширили зоны жизни, сумели искусственно насытить их полноценными организмами большого промышленного значения. Сами понимаете, это особая проблема.

Я решил вмешаться.

— Позвольте, Михаил Михайлович, в последние годы чаще и чаще раздаются тревожные голоса: количество промыслового омуля уменьшается; план лова трудно выполним. Все надежды возлагаются на науку...

Профессор нахмурился и не ответил. Лишь по приезде в Большие Коты, в лаборатории, мы вновь вернулись к этому вопросу, разговор начал сам Михаил Михайлович.

— Количество вылавливаемой рыбы не увеличивается. За последние четверть века оно стабильно, никакая механизация и современная техника лова не помогают. Будто рассердился старик Байкал и замкнул свои бездонные кладовые, выдает только минимальную норму.

Профессор обратился к лаборантке:

— Покажите товарищу, что изучаем мы под микроскопом.

Я увидел затейливый, нежный рисунок. В правой стороне распластала крылья пестрая бабочка, в центре тончайшие кружева, и с левой — отдельные точки, звездочки, сплетение рваных нитей.

— Что это такое?

— Обычная капля байкальской воды...

— Значит, наука любитесь байкальской водой, а от нее ожидают омуля, — пошутил я, намекая на тех, кто настаивает заниматься «поголовьем» рыбы, а не инфузориями.

Профессор смеется:

— Бьемся изо дня в день, узнаем, какие питательные вещества для рыб содержатся в байкальской воде. Каждая капля разная с определенной глубины, взятая в разное время года, дня и т. д.

— Ну и как, сытна байкальская капля, ведь она прозрачна, как хрусталь?

— Вы знаете, густо насыщена: тут и микроскопические водоросли и множество животных — рачки, коловоротки, инфузории... Мы их взвешиваем и подсчитываем. Подсчеты ободряют: ежегодно в Байкале образуется кормов для омуля миллионы тонн. Это страшный удар по тем «знатокам», которые утверждают, что количество омуля убывает: ему нечего есть. Наоборот, Байкал может прокормить рыбы во много раз больше.

— Вот мы, Михаил Михайлович, и подошли к сути: почему же омуль не прирастает, вылов не повышается? — Мы пришли к твердому убеждению: причины в порочной практике ведения рыбного хозяйства и рыбного промысла. Робкая борьба с браконьерами, они — бич воспроизводства рыбы. Мой заместитель по институту доцент Л. Ф. Попов побывал почти на всех тонях и нерестилищах; он точно установил: более сорока процентов рыбы вылавливается браконьерами варварскими способами, в неуточное время.

— Ловить рыбу во время нереста запрещено; с браконьерами ведется борьба. Едва ли это самое решающее препятствие воспроизводства?

— Да, официально запрещено ловить икряных рыб и молодь; разрешено ловить покатного омуля, то есть который уже отнерестился.

Профессор насупился, прошел по кабинету и обратился ко мне:

— Запишите в свой блокнот: сплошное уничтожение покатного омуля подтачивает самые основы воспроизводства рыбных запасов. Этот омуль идет на икрометание впервые в своей жизни в 5—6-летнем возрасте, идет, чтобы потом попасть в сети рыбаков. Исследованиями установлено, что наибольшей зрелости и силы воспроизводить потомство омуль достигает лишь в 8—9-летнем возрасте. Но он обречен на вылов, ему не суждено прожить еще два-три года. Если не будет ограничена добыча покатного омуля, наука не поможет в воспроизводстве рыбы. Два-три года бережливого отношения к покатному омулю, и мы сможем удвоить запасы этой ценной рыбы...

Можно бесконечно слушать профессора-энтузиаста. Любой рассказ, будет ли это описание причудливого микроскопического рачка, или шторма на Байкале, или радужных зорь и угрюмых ночей на рыбацких станах — профессор неизменно завершит тем, что наиболее тревожит его беспокойное сердце, — плохо мы хозяйствуем на Байкале, не умеем полностью брать его несметные дары и пополнять их.

...Утром мы проснулись с восходом солнца. Байкал был тихий, блестел, как голубой шелк; только узкая, едва заметная полоска да молочная дымка напоминали о горизонте. Звонкими перекликаками встречали солнце птицы. Кружились чайки и садились на спокойные, сонные воды. Недолго стояла тишина, с гор дунул ветер, мелкая рябь испестрила воды у берегов, побежала вглубь, вдаль. Ветер усилился, и волны с шумом ударили о берег, раскаты их заглушали тяжелые вздохи тайги. А мы стояли на пригорке и смотрели на море. Михаил Михайлович поежился, запахнул полы ватника.

— Вот сегодня, кажется, разгуляется сарма...

Я попрощался с профессором и его сотрудниками на пристани Большие Коты, и мы расстались.

Доктор биологических наук профессор М. М. Кожов известен и как байкаловед-зоолог и как вдумчивый и внимательный педагог. Его лекции — итог длительных и тонких наблюдений, опытных проверок, смелых научных обобщений. Он умеет увлечь студенческую аудиторию, заставить вникать в суть предмета, искать... Активный лектор общества по распространению политических и научных знаний, его первый председатель, Михаил Михайлович пользуется неизменной популярностью. О Байкале он рассказывает вдохновенно, по-юношески увлеченно, перед слушателями разворачиваются сказочные картины, полные чудес, превращений и открытий...

С 1921 года Михаил Михайлович заведует кафедрой зоологии и гидробиологии Иркутского государственного университета, подготовил сотни специалистов. Трудно найти в нашей стране уголок, связанный с богатствами водного царства, где бы не работали достойные ученики профессора Кожова.

В 1957 году на Международном конгрессе зоологов в Англии (Лондон) и в 1958 году на Международном лимнологическом конгрессе в Финляндии (Хельсинки) он представлял советскую науку. Его доклады на этих международных форумах ученых вызвали заслуженный интерес и пристальное внимание смелостью мысли, новизной и научной обоснованностью ряда проблем лимнологии и байкаловедения.

Имя ученого М. М. Кожова занесено в городскую книгу «Трудовой доблести и народной славы».

Михаилу Михайловичу семьдесят лет и почти полвека он служит Байкалу. Славное и почтенное летие... Передо мною стоит на желтом выступе, над самой бездной разъяренного Байкала высокий, стройный, загорелый человек; ветер треплет его седые волосы, а он стоит, упрямо подставив солнцу бронзовое лицо, и молодые глаза с лукавым прищуром таежника-следопыта, моряка смотрят в байкальские дали...

Таким мне навсегда запомнился профессор Михаил Михайлович Кожов — неутомимый исследователь Байкала, выдающийся ученый, влюбленный в «священное море».